

Дана Блэк
Юлия Гаур

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

НЕ

18+

ВОЗВРАЩАЙСЯ

**Дана Блэк
Юлия Гауф
Не возвращайся**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69766984

SelfPub; 2023

Аннотация

– На что еще ты готова? – услышала голос мужа.– На всё, – последовал уверенный ответ.И я умерла в тот же миг, как увидела их. Сидящего за столом Пашу. А на его коленях – любимую девушку нашего сына, страстно целующую моего мужа.– Папа, – судя по шепоту Глеба он тоже не хочет верить своим глазам. – Ты... Я убью тебя! – выкрикнул сын, стоящий за моей спиной.Отодвинул меня и понёсся на отца.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	43
Глава 8	48
Глава 9	55
Глава 10	61
Глава 11	68
Глава 12	74
Глава 13	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Юлия Гауф, Дана Блэк

Не возвращайся

Глава 1

– С вещами на выход! Такси сама себе закажешь, – муж резко распахнул дверь.

Сын рядом, у стены скрючился, кулаки в кровь. У мужа лицо разбито, а я... я не понимаю как мы до этого дошли.

Жуткая ночь! А как хорошо всё начиналось... Всего несколько часов назад мой мир еще не был расколот.

... Я сидела за столом по правую руку от мужа. А вот, кстати, и его рука – незаметно для домочадцев талию мою сжала.

Подавила смущенную улыбку, стрельнула глазами – не заметили ли дети и гости что муж меня лапает?

– Как она тебе? – Паша чуть придвинулся, прошептал мне на ухо.

Взглянула на девушку сына. Муж о ней спросил. Одобряю или нет.

Нашему с Пашей старшему ребёнку 18 лет. Первокурсник. Радость, гордость и по совместительству тот еще разгильдяй по имени Глеб.

Влюбился наш мальчик, уже месяц встречается с сокурсницей.

– Хорошая девочка, – пожала плечами, отвечая на вопрос мужа. – А тебе эта Тамила как?

– Не знаю, Ась. Лучше бы Глебу другую девушку найти.

– Эй, это матери сыновей ревновать должны, а не отцы, – подначила я мужа. – По-моему, они хорошо смотрятся вместе.

Паша также как и я взглянул на Глеба и сидящую рядом с ним Тамилу. Промолчал.

С великой любовью сына я познакомилась неделю назад, Глеб пригласил нас обеих в кафе. И Тамила мне... не понравилась. Красивая, милая, веселая, чуть стеснительная девочка, а я мысленно на дыбы встала.

Наверное, я бы сглупила и рассказала Глебу о своём отношении к его девушке. Если бы не вспомнила как меня свекровь приняла. 19 лет прошло, а до сих пор помню её выражение лица, будто что-то воняет, а не сын невесту привёл.

Свекровь взревновала.

Я тоже Глебушку к его Тамиле ревную?

Эта мысль отрезвила. Меньше всего хотелось быть гримзой, выносящей сыну мозг. Он так волновался, так хотел чтобы мне понравилась его девушка!

Разумеется, я сказала что Тамила мне нравится. Более того, решила присмотреться к девочке, по-настоящему её принять.

На длинные выходные мы решили уехать в загородный дом, годовщину отпраздновать. Муж пригласил партнёра по

бизнесу, его жену и детей. Сыну мы предложили пригласить свою Тамилу.

И она по-прежнему не нравится мне!

Боже, я превращаюсь в свою свекровь.

– Ась, давай Глеба сами с кем-нибудь познакоим, – снова тихо обратился ко мне муж. – Пригласи подруг с дочерьми его возраста, пусть парень присмотрится. Обставь это как-нибудь... ну, как вы, женщины, умеете.

– Он уже на Тамилу запал, пусть встречаются, лишь бы без последствий. Девочка не наркоманка, учится хорошо, ничего дурного она сыну не сделает, – парировала я.

Муж перестал держать маску вежливости на лице, и уже не просто смотрит, а буравит взглядом подругу Глеба. Толкнула его локтём, призывая к порядку. Паша по натуре тот еще тиран, мило улыбаться – не про него.

После ужина мы еще посидели с гостями, но недолго. Все вымотались от активности на свежем воздухе, сытная еда разморила. В спальню я шла, зевая.

– Мам, – меня поймала младшая дочка, – а эта с нами завтра и послезавтра тоже будет торчать?

– Ты про Тамилу? Она не «эта», Лика, нельзя так!

– Что она здесь забыла, – надулась Лика.

Поправила её пижамку с «Паддингтоном», кивнула вопросительно:

– Брат не уделяет тебе время, вот и обижаешься?

– А чего они в обнимку ходят! – мятежно заявил ребё-

нок. – Я Глеба попросила мне с уровнем в игре помочь, а он вот так сделал, – Лика махнула рукой, – Кыш, говорит, мелочь. А к этой... к Тами-и-иле как прилепился. Говорят о глупостях всяких, а мне – кыш. Пусть домой едет!

– Ревнивица моя, – чмокнула Лику, шлепнула легонько и подмигнула: – Кыш!

– Мам! – пискнула Лика и мы обе рассмеялись.

Уже в спальне после душа повалилась рядом с мужем, привычно используя его плечо вместо подушки. Паша подгреб меня поближе, сам весь в телефоне. Поцеловала его лениво – красивый у меня мужик, все же! Возраст Паше идёт.

Так, не укрывшись, я и заснула. Сны мне не снились, даже спя я продолжила думать про Глеба и Тамилу.

Хочется быть мировой мамой, а не той кто из ревности сына пытается с девушкой разлучить. Но, может, дело не только в ревности? Дочке она тоже не понравилась. Правда, Лика у нас характером в папочку, привыкла что планета ради неё крутится. Глеб вдруг сошел с оси, на Тамилу переключил внимание, и дочке обидно.

Но ведь и Паша не одобряет эту девушку! Может и правда устроить «отбор невест», познакомить сына с кем-то еще, вдруг переключится...

Проснулась я резко, будто от шума. Но в доме тишина. Села на кровати – я одна, Паши рядом нет. Пить охота, солёного переела.

Встала, позевывая, вышла из комнаты, к лестнице напра-

вилаась. И...

– О-па, – наткнулась на Глеба, выходявшего из комнаты, которую я выделила Тамиле. – Молодой человек, я всё понимаю, гормоны, любовь, но в доме твоя сестра, и не все двери с замками.

– Блин, мам, да я просто зашел поведать. Я бы не стал, ты чего. И Тамиле... не такая она, – смутился ребенок. – Её нет, кстати. Наверное, на кухне.

– Я тоже на кухню, а ты спать иди, юный влюбленный, – ущипнула сына за бок, прошла мимо, надеясь что он не обманул и действительно просто зашел поведать свою девушку перед сном.

Глеб решил спуститься на первый этаж вместе со мной.

– Тамилку найду, – шепнул он. – Ей у нас понравилось, от восторга пищала.

– Ох, Глебушка, – улынулась через силу.

Первая любовь во всей красе.

– Папа тоже не спит, – кивнул сын на дверь старой гостиной, выполняющей роль библиотеки и кабинета мужа. – Кто-нибудь в этом доме вообще спит сегодня?! – возмутился Глеб шутливо.

Вот и проверим.

Заразившись весельем сына, на цыпочках подкралась к двери, открыла её шире, и... замерла.

И умерла, наверное.

В тот же миг, как увидела. Их увидела.

Сидящего за столом Пашу. А на его коленях – Тамилу, целующую моего мужа. Страстно, со стонами, с руками в его волосах...

– На что еще ты готова? – услышала голос мужа.

– На всё, – Тамила поднялась с его колен, приподняла шелковую комбинацию и принялась спускать трусики.

Господи.

Господи боже мой!

Так вот почему Паша просил найти Глебу другую девушку...

Чтобы оставить эту себе.

– Папа, – судя по шепоту Глеба он тоже не хочет верить своим глазам. – Ты... Я убью тебя!

Сын отодвинул меня и понёсся на отца.

Глава 2

Это просто фрагмент из кошмара. Самый жуткий, когда по спине пот стекает и ладони становятся влажными. Тот самый миг, когда я с криком проснуться должна, уткнуться в плечо мужа, ощутить на себе его руки...

Его рука летит в воздухе, блокирует удар сына. Но Глеб в бешенстве, и муж не рассчитал, он другую его руку пропустил – Глеб ударил отца кулаком в губы.

Это будто уличная драка, у сына не голос, а рев:

– Сука! Гандон!

У мужа губы в крови, красная струйка из уголка рта вниз ползет, до подбородка. Он перехватил руки сына, сжал – и Глеб ойкнул от боли.

– Паша, – шагнула в кабинет, позабыв о девушке, которая не просто вечер разрушила – жизнь мою сегодня сломала, я не вижу ее, вижу лишь, как больно моему сыну. – Ты в своем уме? – накрыла кулаки мужа ладонями, ногтями впиалась в кожу, в попытке оторвать его руки от нашего сына. – Паша!

Муж отпустил Глеба. Сын покачнулся, но устоял.

Мне это снится, снится...

– Если бы я на отца поднял руку, – ровным голосом говорил Паша. – Я бы уже в училище солдатскими сапогами землю месил.

– Ты девушку мою трахнул! – заорал сын.

У меня пальцы в кулаки сжались, ногти в кожу впились – больно, но что угодно, лишь бы не поднять ладони к ушам. Нельзя отгораживаться, это мой дом, моя семья.

Я должна это слышать.

– С вещами на выход. Такси сама себе закажешь, – муж распахнул дверь и шагнул из кабинета. – Тамила.

Девушка нашего сына с громкими воплями бросилась мимо него в коридор.

Совсем еще девчонка. Сколько ей, восемнадцать, как и Глебу? И уже такое откровенное, женское белье носит, она трусики снять успела – эта кружевная тряпка дикой кляксой белеет на полу возле стола моего мужа.

– Я с ней! – бросил Глеб. Машинально удержала сына за ворот футболки, потянула к себе.

– Глеб, успокойся.

– Успокоиться? – проорал сын мне в лицо. – Ты видела, что он с ней сделал, мам! Я у нее сам спрошу, мне надо, я должен, – он рванулся из моих рук и вылетел в коридор.

– Глеб! – побежала за сыном. У моего ребенка взгляд дикий, я никогда такого не видела. Выскочила на крыльцо и прикрикнула. – Глеб, не смей!

Он прыгнул в машину. И рванул прямиком к распахнутой калитке, за которой скрылась Тамила.

– Глеб, нет! – побежала по ступенькам. И остолбенела, когда машина сына с размаху протаранила калитку, вырвалась за наш участок, оставив после себя грохот железа и гул

в ушах.

– Дыши, – прозвучал за спиной знакомый голос.

А я не могу, не хватает воздуха, открытым ртом его ловлю и не получается.

– На меня смотри, Ася, – потребовал муж и сдвинул мои бедра толкнул на себя.

Впечаталась в него, тело к телу, и наша близость вывела меня из транса, оборвал приступ, я задыхаться перестала, полной грудью сделала вдох.

– Это не то, что ты подумала, – сказал Паша избитую фразу, я бы рассмеялась, звонко, по-настоящему, но не могу – в глазах слезы, и я не вижу его лица.

– Ася, что у нас за семья? Какого черта вы из-за этой шалавы кидаетесь на меня? Она мне не нужна. Не собирався я ее трахать. Успокоилась?

– А надо? – из меня вырвался нервный смешок. Сморгнула слезы, и влага на ресницах осела, я в упор посмотрела на мужа. – Ночью. В кабинете. С девушкой нашего сына. Паша... – мне противно с ним говорить. И смотреть противно на расстегнутый воротничок рубашки, узоры татуировки, что драконьим хвостом от шеи тянутся и прячутся в волосах, я видеть не могу массивную золотую цепь с крестом, каждое звено о его кожу греется горячую, он возбужден.

– Она девушка нашего сына, – повторила в пустоту куда-то, ведь муж прекрасно знал об этом, когда ее целовал.

– Она шлюха, Ася, – он взял меня за плечи и встряхнул,

заставил смотреть на него. – Она мне сразу не понравилась. И ты об этом знала. Она полезла на меня – я проверял, как далеко она зайдет. Ты мне не веришь? А чему тогда веришь?

Он проверял! Она трусы сняла и верхом на моего мужа уселась, а он мне басни рассказывает про какие-то проверки?

– Веришь мне? – повторил Паша.

– Нет. Своим глазам, – отбросила его руки. Его взгляд поймала – и удивилась, что каких-то пару часов назад я к его плечу прижималась, тепло его кожи собирала губами. – На твоих презентациях куча женщин. Бери любую. За что ты так с Глебом? Почему с его девушкой?

Я спрашиваю спокойно. Ведь дело касается нашего сына. Паша не просто увел модельку с презентации в vip-кабинку, он в нашем доме, с Тамилой... Он прекрасно видел, как сын влюблен в эту девушку.

И целовался с ней.

Может, не впервые.

– Мне не нужны другие женщины, – муж сказал это так убедительно, словно с ума меня свести хочет, заморочить, внушить, что мне все это показалось. Жестокая игра разума, болезнь моего рассудка. – Ася, сколько мы с тобой вместе? Если бы я захотел переспать с другой – я бы не палился перед всей семьей, или ты считаешь меня идиотом?

Не считаю.

Но я видела. И наш сын видел.

– Ты не думал, что дочка войдет? – спросила и зябко по-

вела плечами на ветру. – Ты не думал, – самой себе ответила. – Паш. Уходи.

– Ушел, – он шагнул в дом, отступил с прохода и потребовал. – Заходи, Ася, не мерзни.

– Я не замерзла, – спор глупый, мы оба видим, как я трясусь. Но причина не холод осенней ночи – он, мерзавец, стоит на пороге нашего дома. – Презентации, Паш, – повторила. – Я же помню, какие там ходят девчонки. И как ты пялился на этот силикон. Почему не они, почему Тамила?

– Я не пялился, – муж поморщился. И, показалось, дверью об стену готов шандарахнуть – такое у него стало лицо – рассеянное и злое. – А даже если пялился? – он шагнул ко мне на крыльцо. – Какая разница? Для чего они надевают платья с глубоким вырезом? Чтобы туда смотрели, Ася. Я смотрел. Что дальше? Это преступление? Ты серьезно? Из-за этого поругаться хочешь? Вперед.

– Чего? – я машинально шагнула ему навстречу, меня возмущение душит, я глотаю слова, но пока не кричу. – При чем тут это? Ты целовался в своем кабинете с этой девкой, – язык больше не поворачивается называть ту девчонку девушкой моего сына, я дрожь унять не могу, она захватила все тело. – Ты не только меня, предал, но и сына. Не понимаешь? Она залезла на тебя, оседлала, как... как... ты целовал ее, я же не слепая! Паш, просто уходи.

– Она сама на меня залезла, – повторил муж.

А у меня перед глазами картинка. Он и она, ее стройные

ноги, ее гладкое тело – это молодость просто, она мимолетна, неужели возможно семью променять так легко, забыть обо всем, и какому-то ложному чувству отдаться, хотеть ее...

Да.

Он желал ее, не меня.

– Пошел вон отсюда, – выдохнула зло и схватила мужа за рукав рубашки, дернула.

– Успокойся и послушай, – Паша на меня подался, в охапку сгреб, лицом вдавил в свою грудь, а из меня уже рыдания рвались, мне захотелось во весь голос закричать ему это – пусть убирается.

У него сотовый зазвонил, и я дернулась, Паша не шевельнулся, лишь хватку усилил и шепнул:

– Ася, успокойсья – отпущу.

Музыка играет, играет, играет. Второй звонок, третий, четвертый – муж достал телефон.

И в наступившей тишине оглушающе громко в динамике прозвучал голос:

– Павел Рамзин? Это врач из 105 больницы. Ваш сын попал в аварию. Он сейчас у нас, приезжайте.

Глава 3

По пути в больницу мы увидели разбитое авто сына. По-корёженное, с треснувшими, а местами и разбитыми стеклами.

Страшное зрелище.

– Господи, – сжалась, не в силах оторвать взгляд от машины.

– Всё хорошо, Ась. С Глебом всё хорошо, – размеренно, как ребёнку сказал Паша.

Отмахнулась, даже отвечать не стала.

Единственное, что хорошо – это то что Глеб не успел далеко отъехать от дома, больница тоже рядом, буквально в двухстах метрах, и скорая быстро сработала. А всё остальное – плохо, несправедливо, гадко.

– Ася...

– Не сейчас, – резко оборвала Пашу.

Не хочу слышать ни про него и Тамилу, ни про извечное «всё хорошо». Мои мысли только сыном заняты.

– Как Глеб? Он жив? К нему можно? – в два шага подскочила к врачу, слыша как за спиной муж благодарит дежурную медсестру за то что дорогу помогла найти.

– Вы...

– Анастасия Рамзина. Я мама Глеба, – протараторила.

Павел встал рядом, приобнял меня. Страхивать его руку

не стала – не до того, но от его поддержки мне не полегчало.

– Как наш сын? – спросил муж.

– Угрозы жизни нет, – сразу успокоил нас врач.

А затем начал пояснять про травмы сына: закрытые переломы правого плечевого сустава, лучевой кости, двух ребер, сотрясение легкой степени, многочисленные ушибы...

– Можно к Глебу? – взмолилась я.

– Он под обезболивающими, но можете зайти. Документы привезли? – обратился врач уже к Паше, а я проскользнула в палату.

Мальчик мой!

Дотронуться страшно, кажется, даже легкое касание ему боль причинит.

Глеб приоткрыл глаза, не спит. Улыбнулся, тут же скрипел, закрыл веки. И я смогла немного успокоиться.

Живой – это главное. Переломы срастутся, синяки сойдут, а машина – чёрт бы с ней!

Дверь снова открылась, и в палату вошёл Паша. Как всегда собранный, жесткий, холодный, но муж скинул на миг маску, побледнел, взглянув на Глеба. Нахмурился встревоженно и горько.

– Живой, – выдохнул Паша. – Главное, живой и не покалеченный.

Ночь была муторной. Часть её я провела в больнице, допрашивая врача, договариваясь насчет отдельной палаты,

расспрашивая про лечение. Затем нам с Пашей пришлось вернуться домой и объясниться с гостями, а также сообщить Лике что брат попал в больницу.

– Мам, можно я помогу? – Лика вошла в комнату Глеба, и я кивнула.

Мы вместе принялись собирать сумку с вещами, стараясь ничего не забыть.

– Я с тобой и папой поеду к Глебу, – приластилась дочка. – А эта где?

Поправлять Лику из-за её хамского «эта» я не стала.

– Она уехала.

– А вещи на месте. Или она сейчас у Глеба в больнице торчит, а потом с нами домой пойдёт? – пробурчал ребёнок.

Черт, а жива ли вообще эта Тамила? Помню, она выбежала из дома – неужели в ночной сорочке и без трусов? И была ли она в машине с Глебом?

Не помню. Ничего не помню. Да и плевать на неё.

– Мам!

– С нами она домой не вернется. Обещаю.

Лика сделала вид что повеселела, и продолжила мне помогать. Но вижу – встревожена и сильно, просто умеет себя в руках держать. Очень уж на Пашу похожа наша младшенькая.

Паша, ну как ты мог! Это же ты виновен в том, что Глеб сейчас на больничной койке лежит! Ты, и... немножечко я – виновна в том, что не удержала сына. Видела его состояние,

его шок. И должна была догнать, забрать ключи, собой ворота загородить, но не позволить уезжать.

В больницу мы ехали уже втроем, вместе с дочкой. А в коридоре нас ждал «сюрприз» – Тамила, баюкающая чуть припущую забинтованную руку.

Она заметила нас. Подскочила со скамьи, губы задрожали – на меня не смотрит, только на Пашу.

Не хватало мне еще при дочке скандала!

– Если она хоть слово при Лике скажет – прибью, – тихо сказала мужу на ухо, передернула плечами и вошла в палату Глеба вместе с дочкой.

Пусть Паша разберется сам со своей... этой.

Сильный страх за сына чуть стих, и я снова мыслями то и дело в события ночи сбегая. Горечью, разочарованием и обидой переполняюсь.

Мне 37 лет. Я прекрасно знаю, что юность позади. Это больно, но это жизнь: при всей моей красоте и ухоженности я проигрываю юным девочкам. В этом я каждое утро убеждаюсь, когда перед зеркалом стою. У меня отличная фигура, на косметологах я не экономлю, но черт возьми, я проигрываю!

Вот только я не думала, что должна соревноваться за своего мужа. Несмотря на проблемы в семье. Павел чуть больше года назад принялся поднимать еще один бизнес, и совсем перестал бывать дома. А когда бывал – мысленно отсутствовал, постоянно на телефоне висел, проблемы решал.

Мне это претило, но Паша не слушал меня, желая импе-

рию построить.

И я ревновала. Конечно же я ревновала, замечая его взгляды на других женщин. Но все равно доверяла, верила, что любит меня, что верен. А несколько дней назад у нас всё наладилось перед годовщиной, Паша предвкушал семейный отдых...

Или он встречу с Тамилей предвкушал? Явно, близкие у них отношения, раз она так смело разделась перед ним. Не впервые.

Боже мой! Тамила! Она же в дочери Паше годится...

Едва мы вошли, Лика кинулась к Глебу, без стеснения схватила брата за руку, и он застонал. Глаза открыл.

– Глеб, – хныкнула дочка.

Сын прочистил горло, морщась, и прохрипел:

– Не реви, Анжелика Пална. Мам...

– Сынок, – подавила всхлип, даже улыбнулась, – как же ты нас напугал!

– Прости, мам. Блин, голова гудит, тошнит так.

– У тебя сотрясение и переломы. Как только разрешат – домой тебя заберем.

– А Тамила как? – спросил сын.

– Живая, почти невредимая, – опустила я глаза.

Помню, как сын за ней помчался. За Глеба мне куда как обиднее, чем за саму себя.

– Хорошо, – выдохнул Глеб облегченно.

– Глеб...

– Мам, я всё понимаю, – язык у Глеба заплетается.

В палату вошел Паша. Надо же, не постеснялся. Впрочем, где стеснение, а где мой муж!

– Привет. Ну как ты, сын, – он смело подошел к койке Глеба, который на отца волком взглянул, будто даже слабость прошла. – Устроил ты нам с мамой отличную ночку, юный гонщик.

– Паша! – нажала я голосом.

– Мам, можешь в коридоре побыть немного? – попросил сын, не глядя на меня.

Не хочу оставлять их. Глебу сейчас точно противопоказано волнение, ссоры, но и сын и муж кивнули, оба на меня в упор посмотрели.

– Даю вам три минуты. У Глеба сотрясение, а потому никаких скандалов, – произнесла тихо, и потянула греющую уши Лику из палаты.

В коридоре оглянулась по сторонам. Тамилы не видно, и слава богу. Значит, Паша отослал её.

– Мам, а что у папы и Глеба случилось? Поругались?

– Немного.

– Глеб что-то плохое натворил? – наивно спросила Лика.

Натворил в этот раз не Глеб, а Паша. И как он перед сыном вину будет заглаживать – большой вопрос.

Из палаты донесся яростный окрик.

Черт!

– Лика, сходи за кофе, – быстро сказала, и рванула к двери

в палату, но дочка стояла ближе.

Моя испуганная малышка первой подскочила к двери. Распахнула её...

– Ли́ка! – развернула дочку за плечо.

Но увy. Из палаты слышался болезненный выкрик Глеба:

– ... и после того, как ты маме с Тамилей изменял, смеешь говорить, что только Тамиле – шлюха? А ты тогда кто?

Я вытащила Лику за дверь, и захлопнула её. А затем со страхом взглянула в лицо дочери, надеясь что она не поняла, не расслышала.

Что хоть её эта грязь не коснётся.

Глава 4

Глаза дочери расширились. Лика напряглась как пружина...

Слышала или нет? Поняла ли?

– Лика, – погладила свою любимую девчонку по щеке.

Она головой мотнула, но не зло. Даже улыбнулась мне.

– Ругаются, – кивнула она на дверь. – Тебе кофе купить, да? Я схожу, мам, куплю. А ты скажи им чтобы не ссорились.

– Лика, – я вся сфокусирована на лице дочери, чувствую облегчение что не поняла она ничего, усталость страшную, предчувствие. – Всё будет хорошо.

Я выдала эту пустую фразу, сдаваясь.

Дочка кивнула, взяла кошелек из моей руки, и не торопясь пошла по коридору.

А я в палату. Где уже не крики, а тишина. Паша стоит у окна, в подоконник кулаками уперевшись, спина напряженная. Глеб и вовсе словно неживой.

– Паш, сходи с врачом поговори, пожалуйста, – попросила мужа выйти.

Он кивнул, пошел к двери, но рядом со мной остановился.

– Лика заходила. Она слышала?

Покачала головой отрицательно, а затем неуверенно.

– Не знаю, – прошептала.

– Домой вернемся – поговорим с ней, – бросил муж, и

вышел, наконец, из палаты.

Поговорить нужно, вот только что говорить – не знаю. Если дочка слышала, что делать? Врать? Рассказать правду? Сказать, что это дело взрослых? Всё – мимо.

– Мам... мамочка... прости, – выдохнул Глеб.

Села рядом с ним. Дотянулась, погладила пальцы на его ладони.

– Я не сдержался, не подумал что Лика может услышать. Я не хотел. Так – не хотел, – глаза у Глеба испуганные.

Сестру Глеб не просто любит – он её обожает. Сначала ревновал нас страшно, отказывался подходить к Лике-младенцу. Затем стал наблюдать и посмеиваться над тем, как дочка ползать училась, говорить, ходить. Прикипал. А лет с трех Лика превратилась в хвостик старшего брата. Глеб ворчал поначалу, но полюбил её безусловно.

– Ты не виноват.

– Виноват. Мам, я капец как виноват перед тобой. Прости, что в дом её привёл. Я такой debil!

– Ты не виноват! – отчеканила увереннее и спокойнее.

– Я кольцо купил. На разогреве выступал, копил, сам хотел на кольцо заработать, – Глеб будто меня не слышит, делится. – Тебе не рискнул признаться, мы же с Тамилей месяц всего... но я как вы с папой хотел, думал у нас также: раз и навсегда, и незачем время терять. Хорошо что не успел предложение ей сделать. Пошла она!

Села поближе к сыну, гладила его по волосам, успокоить

пыталась.

– Очень часто первая любовь – не про «навсегда», а про опыт. Ты еще встретишь девушку, которую по-настоящему полюбишь. Через месяц, через год, через десять лет, но встретишь. Времени у тебя много, мой хороший.

Я говорила, понимая что слова в пустоту уходят. Сыну нужно переболеть, я верю что он справится, но как же обидно за него! Первая любовь изменила не с кем-то абстрактным, а с родным отцом – подобное на всю жизнь запоминается, уязвляет.

– Убиваться по ней не собираюсь, – упрямо заявил Глеб, выслушав меня. – Итак уже опозорился, собачонкой за ней побежал, придурок. А нужно было с тобой остаться. Мам, прости что я такое дерьмо у тебя.

– Ты у меня замечательный.

Скривился. Не верит.

Глеб в принципе в меня пошел: творческий, во всём сомневающийся, компанейский, но доверяющий только самым близким. А вот Лика в Павла уродилась, взяв его властность, категоричность и целеустремленность.

– Глеб, ты точно не станешь глупости делать? – решила спросить на вопрос. – Тамила здесь, в больнице. Возможно, захочет с тобой поговорить. Она может обмануть тебя, и новую боль причинить. Ты влюблен, а влюбленного легко вокруг пальца обвести.

– Мам, я же сказал что с ней покончено.

– А еще ты спрашивал про неё сегодня, – напомнила.

– Спрашивал. Потому что она в машине со мной была.

Какая бы Тамила ни была – я не желал бы стать её убийцей. Живая, и черт с ней, – резко бросил сын.

А у меня камень с души упал, чуть легче дышать стало.

– Ты лучшего заслуживаешь.

– Это ты лучшего заслуживаешь, мама, – Глеб впился в меня требовательным взглядом. – Он втирал мне что на отца руку поднимать нельзя, я помню. И раньше согласился бы. А сейчас жалею что мало ему досталось, сильнее нужно было бить. Но не за свои обиды, а за тебя. Только не говори мне что он мой отец и так нельзя, – повысил сын голос. – Отцы так не поступают, а значит...

Я не выдержала. Закрыла ладонью рот Глеба, не позволяя сорваться страшным словам. Он имеет на них право, я знаю. Но мне было бы больно их слышать, а Глебу – говорить.

А значит, он мне больше не отец, – этим словам я не позволила сорваться с губ Глеба, но фраза повисла в воздухе, напоминая, что самое сложное еще впереди.

– Я на твоей стороне, – склонилась, поцеловала Глеба в висок.

– А я на твоей. Уходи от него, мам.

Паша с врачом всё же поговорил, и в машине, когда мы ехали обратно, пересказал суть беседы. Через 3 дня станет ясно, можно ли забрать Глеба домой, или ему придется

несколько недель провести в больнице.

А я даже и не расстроена, кажется. Глебу сейчас лучше в больнице, чем дома.

Ли́ка молчаливая. Хмурится, но на Пашу волком не смотрит... она вообще на него не смотрит, и я гадаю: слышала она или нет, и всё откладываю разговор, на который меня пока не хватает.

– Ты вечером или уже завтра опять к Глебу поедешь, мам?

– До пяти вечера думаю еще раз навестить, но не уверена.

Глеб просил не устраивать паломничество в его палату.

– Если поедешь – я с тобой, – сказала Ли́ка и отвернулась к окну.

Так до дома и добрались.

Едва вошли, Ли́ка бросила свою розовую сумочку на стул, и унеслась наверх. А мы с Пашей остались в молчании, как чужаки.

– Я же просила не делать Глебу хуже. У него сотрясение, Паш. Это не просто ушиб пальца, это даже не перелом, это, блин, сотрясение мозга! Но зачем меня слушать, да? Можно же добавить сыну боли, будто он враг, а не плоть и кровь.

– Я не собирался ему хуже делать. Я всего лишь ему как взрослому объяснял, что произошло.

Холодность Паши бесит.

Прошла мимо него, поднялась на второй этаж. За спиной шаги – он.

– Тебе лучше в город вернуться, – сказала, когда мы в ком-

нату зашли. – Прямо сейчас. А я останусь здесь с Ликой и Глебом.

– И что это значит?

– Что тебе лучше уйти, – сжала кулаки.

– Мне так не лучше.

– Так лучше мне! Глебу так лучше!

– Ась, ты что творишь? – Паша шагнул ко мне, приблизился почти вплотную. Злой. На меня злой, будто право на это имеет. – Что ты с нами творишь? Я уже и тебе, и Глебу сказал правду: шалава малолетняя задницей крутила, повисла на мне, я решил посмотреть, как далеко она зайти готова. Не изменял. Изменять не собирался. Хотел бы – изменил, и ты бы не узнала.

Но он захотел – а я всё же узнала. Не в том месте захотел.

– Ты одну деталь упускаешь, Паш. Я всё своими глазами видела.

– Херню ты видела, – процедил муж. – И верить мне должна, а не кидать. Ладно, Глеб, он пацан еще зеленый, поумнеет, но ты-то, Ася, что? Доверие где? Уважение? Любовь?

Там же где валяются трусы Тамилы.

А я не хочу стать той, об кого ноги вытирают, да еще и в собственном доме. Не знаю, на что я решусь, но терпеть измены от мужчины, дорвавшегося до успеха – не смогу, сломаюсь.

Развод? – пришел вариант решения, и чуть сердце мне не разбил, оно в панике зашлось.

Я без Паши и не жила толком, к нему из дома сбежала, он спас. И вот уже сколько лет я с ним, *за ним*.

– Мы сюда вместе приехали, вместе и уедем. Глупости из головы выброси, лучше с Глебом поговори. Пусть лучше спасибо скажет за то что глаза ему открыл на девку его. Надеюсь, тему мы закрыли? Не слышу ответ, Ася.

Меня и ужасает, и поражает жесткость Паши. Но мысль всё же закралась, пусть и несмелая, а вдруг он не изменил? Вдруг и перед сыном невиновен? Может, не стоит спешить...

В коридоре раздался грохот, отвечать не пришлось. Первым из комнаты вышел Паша, за ним я.

И увидела Лику, зло пнувшую небольшой розовый чемодан Тамилы. Он не застегнут, и полон одежды, безжалостно разрезанной.

Лица еще раз пнула чемодан. Бросила поверх тряпья ножницы и, сузив глаза, взглянула на Пашу.

Она знает. Слышала. Поняла, – в голове одна за другой панические мысли-выстрелы.

– Лица, – позвал Паша, шагнул к дочери.

Но она отступила, развернулась, игнорируя отца. И сказала:

– Мамуль, я в больнице про кофе забыла. Сейчас сделаю нам. И фильм посмотрим какой-нибудь, ладно? Вдвоём. Ты и я, – припечатала, и сбежала вниз по лестнице.

Глава 5

Не понимаю, что за фильм мы включили. Сколько его уже смотрим. Кошусь на дочь – Лика упрямо уставилась в экран. Она сидит рядом, поджала под себя голые ноги и накрыла подушкой живот.

– Ведь ты же не смотришь, – сказала негромко. – Лика?

– М-м-м, – дочка не повернулась, делает вид, что увлечена.

Нет, так не пойдет. Со вздохом взяла пульт и нажала на паузу. За руку потянула ребенка к себе.

– Давай поговорим о том, что ты слышала. Может, ты что-то не так поняла? – я не оправдываю Пашу, мне важно знать, какие выводы сделала дочь.

– Ну мам, – Лика сморщила нос. – Давай фильм посмотрим. Интересный.

– Расскажешь, о чем думаешь – и включим фильм, – предложила.

Лика нахмурилась. Ничего не ответила. Не скажет – поняла. Если Лика уперлась – лучше не лезть, надо подождать, пока дочь сама захочет обсудить.

Щелкнула кнопкой – и на экране снова задвигались фигуры. Взяла кофе, сделала глоток. И прислушалась.

Муж бродит по дому. И этими хождениями меня напрягает. Временами слышу его голос, как он по телефону обща-

ется. И ни на чем не могу сосредоточиться.

Еще пятнадцать минут из фильма, в котором я ничего не понимаю. И шаги Паши стихли у нас за спиной. Краем глаза заметила, как дочка выпрямилась, откинулась спиной на диване.

– Мы же его уже смотрели с тобой, – прозвучал голос Паши. – На прошлых выходных.

Лица поджала губы. Не шелохнулась, когда муж обошел диван и присел перед ней на корточки.

– Ну, что такое? – спросил он ласково. – Лица, давай ты сама у меня спросишь, что тебя интересует. И я все объясню. На любые вопросы отвечу. Давай, малышка?

– Мама, добавь звук, пожалуйста, – демонстративно попросила Лица. – Ничего не слышно.

Переглянулись с мужем. Он мрачно усмехнулся. Взъерошил волосы и тронул Лику за ногу, пощекотал пятку. Лица вздрогнула и спрятала стопу под одеяло.

– Мам, – теснее прижалась она ко мне, – где пульт?

– Лица, это несерьезно, – Паша выпрямился и сунул руки в карманы брюк. – Давай поговорим.

– Мы фильм смотрим, – дочь вскинула на него глаза. Снизу вверх глянула, а словно к земле прибить захотела. – Ты вот тут стоишь. И мне экран не видно.

– Ты уже видела этот фильм.

– Ну и что, – заупрямилась дочь.

И Паша отступил, сдаваясь.

– Ладно, – выставил он перед собой ладонь. – Как захочешь обсудить со мной свою обиду – дай знать.

– Я не обиделась, – тихо сказала дочь, когда Паша отошел от нас. – Он с этой Тамилей... – выговорила она и задохнулась, – и на Глеба орал. А эта Тамила... Мама, он теперь с ней будет?

– Нет, конечно, – покачала головой и прижала дочь к себе. – Лика, хорошая моя, как будешь готова – спрашивай меня или отца. Я обещаю ответить на те вопросы, на которые сама знаю ответ. Я всегда рядом с тобой, помни, и не замыкайся в себе. Хорошо?

Дочь замолчала, уткнулась мне в грудь. Просидели так, в тишине, до конца фильма. Через час снова собиралась к Глебу, но передумала. Поедем мы с Ликой – и Паша увяжется с нами, а сейчас ему лучше не маячить перед глазами. Да и я сейчас нужнее дочери.

Вместе с Ликой перемыли посуду, что осталась от вчерашнего застолья. Прибрались на улице в беседке. Перед ужином пошли прогуляться по поселку.

Почему он не уезжает, зачем остался? В доме такая атмосфера, что возвращаться не хочется. Дочь игнорирует Пашу. Я тоже с ним не разговариваю. Пока прибирались, Лика начинала рассказывать о школе и тут же замолкала, стоило отцу появиться рядом. Но ей всего десять, она ребенок. Решать, что нам дальше делать придется мне.

А я не знаю.

Я своими глазами видела его с этой девкой. Он может оправдываться, но я не поверю, он прошлой ночью предал меня, детей. Что же творилось у него в голове, если он сделал такое? Неужели от этой девчонки мозги растерял, прямо дома, при гостях. Это так на него не похоже. Но было. И я не могу стереть нам всем память.

Если бы мы с Глебом не вошли...

Сын его теперь ненавидит. Дочка страдает и злится. Семья в один миг рухнула и неясно, осталось ли что-то, что нужно спасти.

– Холодно, – пожаловалась Лика, когда мы дошли до конца поселка.

– Да, погода испортилась, – поежилась и развернулась в обратную сторону. – Сейчас сделаем какао с молоком. А потом я тебе ванну с пеной наберу, поваляешься.

– А потом? – Лика шагает в ногу со мной. И в этот миг выглядит совсем взрослой. – Когда мы поедем домой, завтра?

– С утра к Глебу, узнаем у врача, когда можно будет его забрать. Но у тебя школа, так что...

– А в нашей квартире кто будет жить? – в волнении спросила дочь и посмотрела на меня. – Мы там останемся? Или там будет жить папа, а мы уедем?

От ее вопроса растерялась. Дочь даже мысли не допускает о том, что все мы будем жить вместе. Для нее отец теперь враг, предатель. худший на свете человек.

– Мам? – требовательно позвала Лика.

– Посмотрим, – ответила уклончиво. – Идем скорее, трясешься уже вся.

Ужинали вдвоем с дочкой – Паше хватило ума не садиться с нами за стол. Потом отправила Лику в ванную, а сама начала собирать вещи Глеба. Когда сына разрешат забрать – сразу поедem домой. А сюда я возвращаться не хочу. Так любила этот дом, но теперь и мне, и детям будет тяжело здесь находиться. Особенно, когда Паша торчит у себя в кабинете. Быть такого не может, но кажется, что там опять эта малолетка, ерзает у него на коленях. Целует его.

Черт.

Тряхнула волосами.

– Во сколько завтра поедem? – прозвучал от порога голос мужа. Паша прислонился к косяку, наблюдает за моими сборами.

– С утра, – бросила сухо.

– Что Лика говорит?

– Ничего хорошего.

– Ясно, – протянул он и шагнул в комнату. – Ася, это глупо. Вы себе что-то придумали и на ровном месте раздули. Погоди, – заметил он, что я хочу его перебить. Присел на постель Глеба. – Я понимаю, как это со стороны выглядит. Тебе было больно, Глебу тоже. Но я уже все объяснил, а моя семья мне не верит. Мне что с этим делать? Я тоже злюсь.

Он тоже злится – покачала головой на его уверенный тон и дернула молнией на спортивной сумке. Невозмутимость

мужа кого угодно из себя выведет, особенно сейчас. Его застукали с девушкой сына, а он в глаза мне твердит, что не соби́рался изменять. Проверял.

Я тоже должна его проверить.

– Иди ужинай, – выпрямилась. – Лика в ванне плещется, это часа на два.

– Сама-то ела? – муж поднялся.

Кивнула. Дождалась, когда он выйдет из комнаты, когда стихнут шаги. Спустилась вниз и свернула к его кабинету.

На диване Паша уже постель разложил, на столе вразброс свалены документы. В углу стоит розовый чемодан Тамилы – убрал его, значит, с наших глаз. Приблизилась к столу и взяла его сотовый.

Это унизительно – рыться в телефоне мужа. Но он мне выбора не оставил, если Паша врет про Тамилу – то уже слишком цинично. А если правду говорит – есть ведь хоть один шанс на это?

Затаила дыхание и ввела пароль. Телефон разблокировался. Муж пароль не сменил, уже хорошо – подумала об этом. Зашла в сообщения.

И от первого же послания, что на экране диалогов высветилось – похолодела. И рухнула на диван.

Глава 6

Следующим утром мы вместе с Ликой поехали к Глебу.

– И что, ты вот так лежать будешь целыми днями? – услышала, вернувшись к сыну в палату.

– Надеюсь, не целыми.

– Я тебе планшет привезла, а то валяешься здесь даже без интернета. Ужас, – дочка непритворно ужаснулась. Любые лишения она готова принять, но не отсутствие гаджетов с выходом в сеть. – Мам, – обернулась Лика, – давай Глебку домой заберем, я сама буду за ним ухаживать.

Я покачала головой.

– Рано, – сказала и заставила себя улыбнуться. – И планшет с собой заберем, врач запретил нагрузку на глаза. Так что простите, дети, но никакого интернета.

Лика надулась, будто это её я лишила просмотра фильмов. А Глеб устало кивнул, но под взглядом младшей сестры взбодрился, и тоже симитировал обиду на жестокую мать.

– Глебка, а, Глебка, – шкодно обратилась Лика к брату, зная как его бесит коверканье имени. – Если будешь долго выздоравливать, я прокрадусь сюда без мамы, и на бинтах цветочки нарисую. И ногти тебе выкрашу в розовый, так и знай! Так что давай-ка побыстрее домой.

– Чтобы ты там надо мной издевалась, мелочь? Мам, кого ты вырастила, кошмар.

Я следила за шутливой перепалкой детей, и улыбку в этот раз не пришлось натягивать, она сама прилипла к губам. За-мечательные у меня ребята, всё же. Пусть, разные, но дружные.

В палату вошла медсестра, и Лика всего за 10 минут уговарила её показать, как ставятся капельницы. Дочку я отпустила.

– Утомил я нашу Анжелику Палну. Мам, ты не води её часто в больницу, а то насмотрится, еще врачом решит стать. Пожалей несчастных пациентов. Хотя, нет, – поморщился сын, – врачом она не станет. В бизнес отцовский включится, а там его и заменит. Не то что я. Сын – рэпер – это позор. Может, отец со мной так поступил из-за того, что я музыкантом решил стать? Блин, мам, прости, не отвечай. Зря я эту тему поднял. Ну вот, ты расстроилась.

Покачала головой, и снова попыталась улыбнуться. Но получилось хуже – сын не поверил. А я старалась быть позитивной, старалась забыть о вчерашнем.

О том, что прочитала в Пашином диалоге.

Отправитель был не подписан, номер мне незнаком. Но писала Тамилла. И я до сих пор помню каждую фразу:

«Прости меня, пожалуйста. Я не хотела, чтобы твоя семья нас увидела. И чтобы Глеб страдал – не хотела. Как он? Надеюсь, ничего серьезного? Я бы навестила его, но вряд ли Глеб обрадуется мне. Знаешь, а ведь удар по мне должен был прийти, но Глеб сумел так выкрутить, что пострада-

ла не я, а он. Ты вырастил отличного сына. И я бы не хотела, чтобы из-за меня вы ссорились. С ним. И с женой тоже. Хочешь, я встречу с Анастасией Николаевной, и возьму всё на себя? Скажу, что ты ни в чем не виноват – ей и Глебу. Ты спрашивал, на что я готова – так вот, я готова на всё. Я очень тебя люблю. Это мой новый номер. Тамила»

Вчера я не готова была идти с этим сообщением к мужу, ругаться с ним, обвинять во лжи. Вчера я просто забыла как дышать.

Тамила не хотела, чтобы мы всё увидели.

Тамила готова взять всё на себя.

Тамила любит моего мужа.

Тамила меня по имени-отчеству называет, я бы умилилась, читая, но с трудом сдержалась чтобы телефон мужа не разбить.

Такая великая любовь, что трусики в момент слетают. А мы с Глебом им романтик испортили.

И прогнать бы Пашу взащей, отправить его к Тамиле с чемоданом её порванного шмотья. Но останавливает то, что прогоню – и Паша детей навсегда потеряет. Не сможет наладить с ними отношения после разъезда, не простят они.

И я на распутье. Но как же больно. Как же чертовски больно!

– Глеб, и Паша и я не были в восторге от твоего выбора читать рэп по клубам, но мы твой выбор приняли. Твой папа... не морщись, – мои губы задрожали, но слезы я сдерживаю.

ла, – я не думаю, что Паша хотел причинить тебе боль. Наверное, он в принципе не думал ни о чем, просто делал. Не я это должна объяснять, а он. И, Глеб, я не стану просить тебя простить отца – ты должен сам принять решение. И честно с ним поговорить.

– Он не хочет быть честным, мам. Ты же слышала! Всё на Тамилу спихивает, с себя ответственность снимает. Она сама пришла, сама полезла, сама целовала, сама разделась. А он не виноват, не хотел, не планировал, и холодно наблюдал за всем, – Глеб, судя по всему, Пашу передразнил.

– Как будешь готов – поговори с ним, может твой папа даст тебе правдивые ответы. А ты скажешь ему, какую боль он тебе причинил. И решишь – прощать или нет.

– Такое я не могу простить. Он знал, что я люблю, то есть любил Тамилу. Знал, как сильно. И у него есть ты! Ты же лучше в миллион раз! Ладно, мам, не будем об этом. Я просто скажу вот что: с ним в одном доме я жить не стану. Подлежусь, и съеду к парням, они снимают, вместе разделим аренду. Но если ты решишься уйти – я с тобой останусь на первое время и поддержу. Ты знай это, мам, ты лучшего заслуживаешь.

Когда мы с Ликой ехали домой, я думала об этом самом «лучшем» – мне с восемнадцати твердили, что заслуживаю я гораздо большего чем Паша. Мать уверяла что я должна найти мужчину постарше, и не на 3 года как Паша, а лет на 15, чтобы не простой парень-работяга был, а состоявшийся

мужчина.

Пашина младшая сестра смеялась что Паша отхватил жену, которой не достоин. Мы с Аней вместе танцами занимались, и его сестренка видела какие парни на меня заглядывались, гораздо более обеспеченные чем тогда еще студент, снимавший убитую двушку в хрущевке вместе с однокурсниками.

Мои подруги то же твердили: не понимали, как девушка из состоятельной семьи связалась с «голодранцем», и с беременностью меня не поздравляли, а вздыхали, что я сама себя привязываю не к тому мужчине.

Да, все кроме свекрови считали, что я достойна лучшего. А я просто была счастлива любить Пашу, принимать его любовь. И благодарна была за то, что он меня из моей «благополучной» и обеспеченной семьи забрал.

Паша учился, Паша работал, а я была рядом. Растила Глеба, поддерживала мужа в его стремлении к успеху. Стала не экономистом, на которого училась, а ландшафтным дизайнером. Затем у нас появилась Лика. Я продолжала растить детей, поддерживать мужа, подрабатывать... и перестала слышать, что достоин лучшего. Я этому радовалась. Пусть, всегда останавливала подобные унижительные фразы в адрес мужа, но я и правда была счастлива что все, наконец, оценили Пашу.

Вот только, кажется, теперь сам Паша решил, что достоин большего. Многие его приятели и коллеги расстались с же-

нами и нашли подруг помоложе. Паша тоже захотел? Или решил, что я – для дома, а Тамила – для удовольствия и любви?

– Я в саду побуду, – буркнула Лика, как только мы подъехали к дому.

– Зайди хоть руки сполосни и перекуси. Лик, ну в самом деле.

Дочка взглянула на окно дома – там Паша стоит – и головой покачала. В сад побежала. А я вошла в дом.

– Ась, стой, как Глеб? – Паша вышел из кухни с чашкой кофе в руке.

– Чуть лучше, возможно, скоро домой разрешат забрать.

– Я к нему съезжу сегодня, еще раз поговорю. С Ликой тоже, устроила она, конечно, – хмыкнул Паша, – но сначала с Глебом. Он всё поймёт правильно, если успел успокоиться.

– Глеб постарается всё понять, если ты поговоришь с ним честно. Без сказочек, Паш. Пора бы признаться во всём правдиво. Приди, и повинись перед сыном, может он простит со временем. А будешь продолжать врать – вряд ли, – не выдержала я.

– Я понять не могу, почему вы все меня во враги записали. Я повод давал? Ась, я уже говорил: спустился вниз к ноутбуку, нужно было проверить отправил ли я задание. Забыл из-за поездки – отправил или нет. Пришла Тамила, начала играть в соблазнительницу. Я позволил, хотел посмотреть насколько далеко она зайдет. Это, блять, всё, – процедил Паша.

– Наша песня хороша.

– Не веришь, и Глеб не верит. Прекрасно, – рыкнул. – То есть, мне нужно прийти и соврать ему про связь с Тамиллой? И тебе? Вы не правду хотите услышать, а ложь. Идиотизм!

Как же он раздражен. Оскорблен. Даже убедителен. Вот только я не идиотка.

– Паш, дай мне свой телефон, – решила я и протянула руку. – Прямо сейчас, не задавая вопросов. Дай.

– Проверку решила устроить? Держи, – он достал его из кармана. – Пароль напомнить?

– Я помню, – набрала нужные цифры, открыла диалоги, чтобы ткнуть Паше в лицо сообщением Тамилы, но не нашла его.

Пусто.

– Паш, а где переписка с Тамиллой?

– Какая переписка? – скривился муж.

– С нового номера, – посмотрела Паше в глаза. – Та самая, где она предлагала всю вину на себя взять, в любви тебе признавалась, винулась. Где это сообщение? Ты ответил, кстати? А старые где, не с нового номера, а со старого? Я их не видела. Тоже подтёр? Ну, что молчишь?

Глава 7

Он стоит напротив, смотрит на меня и жуёт губу. Я ответа жду, будто словами что-то можно исправить. Сжимаю его телефон.

Сейчас он как-то объяснит то сообщение. Скажет, что это недоразумение. Упрекнет за то, что я снова подумала о нем плохо. Обнимет, может быть. Или я просто проснусь и все, что случилось окажется всего лишь кошмаром.

Паша сделал глоток кофе.

– Ты в моем телефоне рылась? – спросил. – Зачем?

Вспыхнула. Неужели это сейчас важно? Ему пишет малолетняя девчонка, в любви признается, извиняется, а он даже оправдываться не собирается?

– Рылась, и пусть, – вскинула голову. Мне стыдно, что я до этого опустила, переписки и звонки – личная территория, и я саму себя унизила. Залезть в телефон к мужу – расписаться в неуверенности. Допускать мысль, что он мне изменяет – дико. Это адские выходные, я превратилась в ревнивую неврастеничку, хуже только рубашки его нюхать, искать на нем чужой запах. – Может, мне раньше стоило этим заняться? – посмотрела на экран. – Время от времени проверять твой телефон. Я бы все узнала отсюда, и Глеб не попал бы в больницу, Лика не встретила бы с Тамилой, сколько это у вас уже длится? Год? Паш, так ведь этой девчонке тогда

семнадцать было, — дошло до меня, и я ужаснулась.

— Ты вообще уже с ума сошла? — муж брякнул чашкой по столу, и остатки кофе вулканом метнулись в воздух, в стороны разлетелись. — Ася, ты в себе? — он приблизил лицо к моему, заглянул в глаза. — Какой год? Я работал. Я открыл фирму. Я для вас зарабатываю, для вас живу и уже достало, что в ответ от тебя придирки летят. Ты сама не думала, что остановиться пора? И не тыкать меня носом в выдуманные косяки. Я, может, потому и пропадал в офисе до ночи, что домой идти не хочется, ведь там ты и ушат дерьма.

Он сказал это и осекся, отодвинулся от меня и растер ладонями лицо.

А я стою, как оплеванная. И не верю ушам.

Да, в последний год мы с Пашей много ссорились, но никогда еще не говорил, что не хочет вечерами возвращаться ко мне. И это так больно сейчас, что слезы на глаза наворачиваются, ведь я же его не ругала, а просто делала замечания, волновалась. Или что, мне уже слова сказать нельзя?

— Извини, — выдохнул муж. — Не то хотел.

— Что хотел — то и сказал, — поморщилась. Посмотрела в окно на Лику — дочка сидит в беседке, уткнулась в планшет. — Паш, так надо было сразу признаться. Что встретил... Тамилу. Это было бы честно. Глеб жениться хотел. А ты с девушкой сына, прямо дома, когда дочка за стеной спит, — в мыслях снова ожила та картинка, и я передернулась.

— Не пойму, это закончится когда-нибудь? — муж мрачно

усмехнулся. – Сколько раз мне еще повторять, что у меня ничего с ней не было и не будет?

– А ваша переписка мне приснилась, – покосилась на со-
товый, что продолжаю держать в руках.

– Во-первых, Ася. Пароль ты знаешь, но нахрена в моем телефоне лазить? Во-вторых, какая переписка? Там было од-
но сообщение. На которое я не ответил.

– Или ответил и стер, – прислонилась плечом к стене. –
Паш, она там писала, что любит тебя. Что ей перед твоей
семьей неловко. Она общалась с тобой, как с близким. А ты
продолжаешь врать, что вы не переписывались.

– Я прочитал этот бред и стер, – муж отошел к окну, взгля-
дом нашел Лику. – Ася, девчонке просто хочется денег и кра-
сивой жизни. Прикатила из провинции, живет в общежитии, в
зеркало на себя смотрит и понимает: внешность и молодость
– все, что у нее есть. А тут наш парень. По уши втрескался
в эту картинку. Она же не дура, просчитала, из какой семьи
Глеб и что с него можно стрясти.

– Тем более дико, что ты с ней.

– Так вот именно, – Паша обернулся. – Решил бы тебе
изменять – выбрал бы кого-то с мозгами, а не пустышку. Я
не в том возрасте, когда из кровати не вылезают и в упор не
видят, что рядом кукла без мозгов. Я поговорить люблю. И
тебя люблю.

Он сказал это так просто, искренне, что я дрогнула, мне
поверить захотелось, что не виноват он ни в чем. И, правда,

любит меня.

Шагнула ему навстречу. И машинально посмотрела на вспыхнувший экран телефона. Высветилось сообщение с незнакомого номера, который я запомнила, он в памяти отложился, горящими цифрами высечен.

«Получила 50 тысяч. Это же ты перевел, Паша? Спасибо. Люблю тебя»

Буквы удвоились, запрыгали. Пошатнулась и выронила телефон. Паша наклонился за трубкой, мазнул взглядом по сообщению.

– Для нас, значит, живешь и зарабатываешь, – рассмеялась. – Господи, Паша. Я же почти поверила. Как ты так можешь, тебе, вообще, не стыдно? Ты же в глаза мне врешь.

– Блять, – муж выругался. Швырнул сотовый на подоконник. – Ася, наша дочь ее вещи разрезала – я компенсировал. Все. Больше она в нашей жизни не появится. Хватит об этом? Мы все выходные обсуждаем какую-то пигалицу, я не хочу о ней разговаривать, все, Ася.

Ничего не все. Это только начало.

– Давай о детях поговорим, – кивнула в окно на Лику. – Она же тебя больше меня любила. А теперь в дом не заходит потому, что ты здесь. Глеб после больницы хочет квартиру с друзьями снимать. Что ты им скажешь? То же, что и мне? А дальше как? Силой детей домой потащишь? Ремнем пригроишь, деньги отберешь у них? Нет, я так не хочу. Тебе, наверное, лучше уйти, Паш, – выдохнула.

Он взгляд в меня метнул, полный удивления, непонимания, раздражения, а я просто остолбенела.

Он – глава нашей семьи. Муж, за которым я была, как за стеной. Почти девятнадцать лет брака, и этому мужчине нравится моя покорность, ласка и мягкость, это его возбуждает, ему крышу сносит знание, что я его, ему принадлежу целиком. И мне это тоже нравилось. Нравилось быть за ним, его тылом, женщиной, которая без оглядки любит и счастлива безусловно, мы все эти годы были с ним заодно, друг другу верили, как себе, наш дом был такой крепостью, которую даже землетрясение не разрушит.

А смялось все в один миг, как фантик, бумажная поделка, один взмах ресниц какой-то малолетней девчонки – и вот уже нет ничего.

Висит пауза. Паша смотрит на улицу. Я забыла, как дышать и уже о своих словах жалею.

– С детьми сам разберусь, – сказал, наконец, муж и отлип от окна. Двинулся в холл, я за ним. Он подхватил со столика ключи от машины, обернулся. – Ты, наверное, права, Ася. Нам лучше пожить отдельно.

Что? Уходит? Серьезно?

Недоверчиво остановилась на пороге, когда муж шагнул на крыльцо. В спину ему уставилась. И в чувствах выплунула.

– Да. Иди. И не возвращайся.

Он замер на ступеньках. Я отступила и захлопнула дверь.

Глава 8

До вечера я находилась словно в анабиозе.

Паша ушёл. Это правильно. Он изменил, ему дома дерьмом пахнет, и расставание – единственно верный шаг. Но что же так больно-то!

В тридцать лет мы с Пашей наблюдали как из-за измены разрушилась семья его сестры. Я приняла это близко к сердцу, поддерживала Аню в решении разойтись с мужем. И на себя примеряла ситуацию, понимала – тоже не простила бы, измени мне Паша. Но как-то ночью мне приснилось что не Ане муж изменил, а Паша – мне. В том сне я плакала, выливая на мужа свою боль. А затем бежала за Пашей, моля остаться. Обещала всё простить, лишь бы не уходил.

Сейчас я не во сне, и контролирую себя, не бегу за мужем. Но мне уже не хватает его, мне страшно остаться без Паши. Но и переступить через предательство я не смогу.

– Мам, – в кухню, посреди которой я стояла, вошла Лика. Приблизилась ко мне, и обняла. – Всё будет хорошо. Мы справимся. Папа... он же ушёл?

Не смогла ни слова произнести. Кивнула.

– Навсегда? – губы дочки задрожали.

– Я не знаю, Лик. Возможно.

– Ну и пусть уходит! Мы и сами сможем! – воинственно заявила дочка, и сказала тихо: – Папа мне звонил сегодня.

– И?

– Я пока не готова с ним разговаривать.

Против воли улыбнулась. Я в возрасте Лики не знала таких фраз, не было у меня права быть готовой или не готовой разговаривать с родителями. Я не могла попросить оставить меня одну, заявить о личном пространстве – даже в голову не приходило, что меня смогут услышать. А Лика – она другая, намного сильнее чем я.

Если это финал нашего с Пашей брака, я не стану думать о прожитых годах с сожалением хотя бы из-за детей. Замечательные они у нас.

– Завтра к Глебу вместе? А жить мы где будем, мам? Здесь или в городе?

В городской квартире скорее всего Паша. Приезжать и выгонять его я не хочу, самой перевозить свои и детские вещи – тоже.

– Пока здесь останемся, а то из города к Глебу в больницу долго добираться. А как только твоего брата домой отпустят – решим.

Мы с Ликой выпили какао. Она прочитала пришедшее ей сообщение, снова скривила губы, сдерживая слезы. Значит, Паша написал. Лика никак не прокомментировала сообщение. Не ответила на него. Мы еще немного посидели, и дочка пошла готовиться ко сну.

В свой телефон я боюсь заглядывать. Паша мне не звонил, но писал. Не готова читать его послания. Он мог напи-

сать что угодно, вариантов масса: снова солгать, предложить помириться, признаться в измене, попросить развод. И я не знаю, что из этого ударит по мне сильнее.

В постели я лежала без сна. А затем не выдержала, вниз спустилась к чемодану Тамилы. Мне пока не хватает смелости прочитать Пашины сообщения, но от вещей этой девицы я должна избавиться, нечего им делать в доме где живём мы с дочкой.

Но сначала...

Расстегнула его, по обонянию ударил аромат восточного парфюма – сладкий, сексуальный. Не по возрасту такой юной девочке. Но Паше, я знаю, нравятся подобные ароматы.

Преодолевая брезгливость, поворошила разрезанные тряпки. Здесь даже босоножки нашлись, их Лика тоже покромсала ножницами. А вот нижнее бельё Лика резать не стала, тоже побрезговала, наверное.

– Лучше просто выброшу, – выдохнула, мечтая поскорее избавиться от этих вещей.

Закрыла чемодан, и услышала шелест. Снова открыла, и в черной сеточке для мелочей заметила блокнот. Достала его, раскрыла, пролистала и отбросила на ковёр.

Сижу, люблюсь исписанными листами с именем моего мужа, нарисованными сердечками. Тамила нашу фамилию примеряла, тренировала роспись, и всюду имя: Паша, Паша, Пашенька. На пяти листах эти художества, а между – списки продуктов, рецепты и прочее.

– Надо же, – хмыкнула, бросила блокнот в чемодан, закрыла его и вышла из дома.

Я, когда Пашу встретила, тоже его имя в тетрадках писала. И фамилию примеряла, и даже расписываться училась. Мне это быстро пригодилось: познакомились, Паша сразу сделал мне предложение, мы сыграли скромную свадьбу и меньше чем через год у нас родился Глеб.

Я избавилась от чемодана, вернулась в спальню и, свернувшись на кровати, хотела позволить себе тихо поплакать, но не смогла. Больнее мне еще не было, но слёз нет – до того плохо. Так и заснула.

А утром мы с Ликой поехали к Глебу. И в палате сына застали настоящую тусовку.

– Мам, – Глеб приподнялся, улыбнулся нам, Лику к себе поманил.

– Здравсте, тётъ Ася, – слышались приветствия от друзей Глеба.

Здесь три самых близких приятеля сына, тоже музыканты. И подружка-одноклассница Вера – девица хипповатого вида с розовыми дредами, которая окуривает палату Глеба палочкой Пало Санто.

– Вера, – вздохнула я. – Сейчас медсестра придет и прогонит нас всех. Туши это безобразие.

– Это святое дерево, а не безобразие, тётъ Ась, – Вера подошла, поцеловала меня в щеку.

Я шутливо дернула ее за дреды. Вера стала такой дерзкой

внешне, а я её помню совсем ребёнком.

– Вы еще и гитару притащили, – широко улыбнулась я.

– И даже успели спеть. Парни совсем дураки, да? – подлизалась ко мне Вера. – Ничего, все вместе быстро Глеба на ноги поставим. Тёть Ась, вы же запретите теперь ему за руль садиться?

– Верка, ну ты и предательница. Мам, не слушай её!

Так, перешучиваясь, мы провели около получаса. Вера, как обычно, язвила и соревновалась с Глебом в остроумии. Жаль, что сын не в неё влюбился, Вера-то Глеба с детства любит, а он не замечает, записал её в друзья.

– Я провожу, – Лика пошла за друзьями Глеба, и мы с сыном остались в палате вдвоем.

– Ты как, мам?

– Уже знаешь?

– Он вчера заезжал, сказал что поживёт в городе, и сегодня приедет меня навестить. Ты его прогнала?

Даже прогонять не пришлось – сам ушёл. Но это я сыну не озвучила.

– Вы нормально поговорили? – сжала ладонь Глеба.

– Он на своём стоит. Будто я дурак, и ничего не понимаю. Я же, считай, сам их свёл... ай, не будем про них, давай лучше попросим чтобы меня домой отпустили. Я уже нормально себя чувствую.

– Ты сказал что сам их свёл. Сынок, ты же понимаешь что не должен себя винить за чужие ошибки?

– Мам, – Глеб коротко зажмурился, открыл глаза и будто решил, – это тебя я с Тамилой познакомил недавно. А с отцом почти сразу. Я Тамилу до общаги обычно подвозил, даже когда она не была моей девушкой. А когда мы только начали официально встречаться, папа попросил в офис к нему заехать. Она со мной была.

– Месяц назад, – пробормотала я.

– Чуть меньше, – скривился сын. – В машине я Тамилу не оставил, с собой повёл, мини-экскурсию замутил по компании. Хвастался как дебил. Отец просил к двенадцати приехать, но я задержался, потом Тамилу выгуливал, и в приемную мы вошли около часу дня. Папа как раз собирался на обед. Ну и нас с собой взял. Я тебе не говорил, не хотел чтобы ты обижалась что я сначала с папой Тамилу познакомил, а уже потом с тобой. Мы в рестике сидели вдвоем, отец устроил мне выступление на открытии клуба, об этом и говорили. Я обрадовался, отходил пару раз, парням звонил, а они там вдвоем сидели. С того момента Тамила переменялась. Сначала она многое мне позволяла, все вечера вместе проводили, но с того дня мне из кожи приходилось выворачиваться чтобы разрешила просто поцеловать себя. Вечерами не гуляли почти. Я как-то приехал к ней, соседка сказала что Тамилы нет. И в телефоне она стала зависать. Я боялся пережать, не заставлял её показывать мне переписку. Зря, наверное.

А вот теперь слезы подступают, именно сейчас, когда плакать нельзя.

– Мам, я не жалею, ты не думай. Себе удивляюсь что таким придурком был. Но мне кажется ты должна это знать. И, мам, было кое-что еще, – Глеб замялся, взглянул на меня с сомнением, и я медленно кивнула.

– Говори, мой хороший. Ты прав, я должна всё знать.

Глава 9

– Вот такую детскую площадку хочу. Там альпийская горка, – рассуждает Соня и пальцем водит по картинкам. – Что скажешь? Получится на нашем участке?

– Да, – оглядела их сад и улыбнулась. – Места у вас много. Есть, где развернуться.

– Отлично, – Соня аж светится. Мысленно, наверняка, уже прикинула, как тут у них все будет. – Трое детей все-таки. Двойняшки еще совсем маленькие. Но и Макар не откажется поиграть. Кстати, приезжайте как-нибудь к нам, с Ликой. Денису на работе подарили какую-то настойку, мужчины продегустируют, а мы с тобой сангрию.

– Вряд ли, Глеб только после больницы.

Соня понимающе кивнула. Они с мужем и детьми были у нас в ту ночь, когда я застала Пашу. И Соня тактично ни о чем не спрашивает, но вижу по глазам – все знает. Паша рассказал ее мужу, что съехал, они же работают вместе, дружат даже. Мне стыдно и хочется побыстрее свернуть эту встречу.

– Ты знай, если что... – у ворот Соня замялась. – У нас с Дэном тоже был кризис. Ведь мы даже развелись. В общем, если что-то нужно – я готова.

– Спасибо, – тепло ей улыбнулась и села в машину. Показала к нашему дому и мысленно усмехнулась.

У друзей непростая история, и семью они смогли сохра-

нить. Но у нас с Пашей другой случай. Охлаждение год назад началось, и тогда я мучилась догадками. Это из-за нового бизнеса или муж встретил другую? Он просто помешался на работе, империю захотел, времени у него не было совсем, зато успех невероятный. И количество молоденьких девиц, что вокруг него крутятся в геометрической прогрессии росло. Разговоры не помогали, истерики тоже – муж на меня раздражался, и я злилась от бессилия. Чувство, что Паша отдаляется – оно со мной было постоянно. Наверное, пора заканчивать самой себе врать.

Муж изменяет мне весь последний год.

Поморщилась и заехала на участок.

Лика с Глебом сидят в беседке. Что-то смотрят на планшете, сын держит его здоровой рукой. Вторая в гипсе и уже разрисована цветочками и сердечками – дочка постаралась.

– Ну, как вы здесь? – приблизилась и поставила на стол пакет с покупками. – Не ужинали еще?

– Не хотим, – Лика отмахнулась.

– Холодно, – накинула на них клетчатый плед. – Шли бы в дом.

– Ну мам, тут лучше, – дочка поправила плед на плечах Глеба и прижалась к брату. – Фильм такой интересный.

– Принесешь нам сюда чай? – поднял глаза сын. – И сникеры.

– Ясно все с вами, – забрала пакет и двинулась к крыльцу. – Никаких сникерсов, сначала ужин.

Разложила продукты в холодильнике и занялась готовкой. Играет радио, я расхаживаю по кухне. Отвлеклась, и лишь когда помешивала соус поняла, что по привычке готовлю на четверых. Муж и сын едят много, и вот у меня полная кастрюля спагетти.

Чем он там, интересно, питается? Точно ведь сам не готовит.

Вздохнула и присела за стол.

Глеба из больницы я забрала, нам пора возвращаться в город. Не можем мы вечно жить здесь, Лика тут школу пропускает, а я словно поощряю. Ехать надо. Только если Паша в квартире – дети с порога развернутся. Позвонить?

Покосилась на сотовый. Муж звонил сам, но я, как и дочь, разговаривать не готова. Я пока не понимаю, что делать.

Разложила ужин по тарелкам, распахнула окно и крикнула:

– Бросайте фильм, паста стынет.

После ужина отправила Лику в комнату, узнавать домашнее задание. В гостиной подсела на диван к сыну.

– Блин, в футбол хотел поиграть, и не смогу, – Глеб огорченно уставился на гипс. – У меня же и выступление скоро. Как я буду с этой штукой?

– А отложить нельзя?

– Ма, ты что? – поразился сын. – Этот нам клуб выбил, надо, чтобы нас заметили.

– Не этот, а папа, – мягко поправила.

– Если не заметят сейчас – то фиг знает, когда возможность появится еще раз засветиться. К нему я больше не обращаюсь, – упрямо повторил Глеб.

– Перестань, – слабо улыбнулась. – Он твой отец, Глеб.

– Зачем напомнила? – сын поморщился, и я сдалась.

Паша, ну что ты наделал. Дети – максималисты, их доверие вернуть сложно. Сын весь прошлый месяц проанализировал, выискивая, где еще облажался отец. Я тоже.

Откинулась на диване и прикрыла глаза. Тогда, в больнице, сын говорил сбивчиво, торопливо, словно вину чувствовал, что не признался мне раньше. В Тамилу он с лета влюблен, с того дня, как на вступительных экзаменах ее встретил. Днем Глеб по кафе эту девчонку водил, вечерами по клубам, до утра по городу ее катал и возвращался на рассвете такой счастливый, что у меня язык не поворачивался запрещать.

Пусть погуляет – думала. Лето же. В институт поступил. Да и голова на плечах есть, глупостями не занимается, плохо ни себе ни кому-то другому не делает. Знать бы тогда, что за девица эта Тамилу. Сын просто на крыльях летал, когда она в начале учебы согласилась стать его девушкой.

В больнице он мне все выложил.

– Я неделю назад к ней в общагу заехал, – сказал тогда сын. – Тамилу должна была быть там, пары кончились. А ее соседки по комнате ответили, что ее в институте не было. Меня ведь тоже в тот день не было, мы трек записывали. То есть, Тамилу где-то гуляла весь день. Я после обща-

ги к отцу на работу поехал. И, мам, мы на парковке с ней столкнулись, у папиного центра как раз. Тамила сказала, мол, у нее йога в соседнем доме. И я, как придурок, поверил. А потом отец вышел. Она его там ждала. А я не допер.

– Так, ладно, – вынырнула из мыслей и резко поднялась на ноги. Решение приняла, без толку откладывать. Нужно поговорить с мужем. И не по телефону. Потрепала сына по волосам. – Одни побудете? Я отскочу ненадолго. Проследи, чтобы Лика уроки сделала.

– Слушаюсь, сэр, – шутливо откозырял мне Глеб.

Все я делаю правильно. Не можем мы в этом доме торчать вечно. Еду туда – приказала себе, устраиваясь за рулем.

Когда в город заехала – от волнения ладони вспотели, а от сомнений, показалось, меня разорвет. Сын не только про ту встречу с Тамиллой рассказал. Было еще кое-что.

– Мне полтора месяца назад пацан знакомый написал, – отчетливо прозвучал в голове голос Глеба. – Сказал, что отец сидит в рестике с какой-то блондиночкой. И они держатся за руки. Я тогда послал его, не поверил. Решил, что он ошибся, и это не папа. А он уперся, говорил, давай сфоткаю. Я сказал, что в морду ему дам, если не заткнется. Иди-от я. Надо было попросить фотку.

Тряхнула волосами, прогоняя воспоминание. Мне так больно было это слышать, а ведь думала, что больнее не бывает.

Бывает. Девушка сына. Какая-то блондиночка. Может, у

Паши тучи любовниц, а измены начались не год назад, может, они длились всю жизнь. И теперь этого никак не узнать.

Припарковалась у нашего дома. Двинулась к подъезду, не в силах поднять глаза на окна. Если свет горит – муж в квартире, и мы сейчас встретимся. Но вдруг он там не один?

Господи, как сложно.

На деревянных ногах поднялась на наш этаж. Тихонько повернула ключ в замке. Шумно втянула носом воздух, распахнула дверь. И шагнула в квартиру.

Глава 10

Закрыла за собой дверь. Выдохнула с облегчением – никаких женских туфелек на пороге, и дома тихо, темно. Опустила плечи расслабленно, та зажатость, с которой я входила в собственный дом, почти ушла.

Поймала себя на этой мысли и спиной к двери привалилась. Я всерьез боялась домой заходить?

Да, боялась. Не хотела бы снова увидеть какую-то девушку верхом на том, с кем я 19 лет прожила. Но чувство страха все равно унижительное, мне противно его испытывать.

Расправила плечи. Обувь скинула, и пошла по коридору. Дома очень тихо. Паша либо спит, либо...

Либо.

Опустилась на кровать в спальне. Паши дома нет.

– И где он в такое время, – пробормотала, будто мне может кто-то ответить. И усмехнулась невесело. – Но я же знаю, где Паша может быть. И с кем. Я же всё это знаю.

Наверное, пора смириться. Сколько там стадий принятия? Не помню, но придется их все пройти.

Девятнадцать лет брака! Боже мой, девятнадцать! А без Паши я жила восемнадцать лет... И эти девятнадцать лет, получается, проиграли пустой похоти, погоне за свежим мясом?

Сiju, пытаюсь осознать наш крах... это же крах? Вот что

я должна делать? Смириться, бороться? Мои знакомые возвращали мужей, свернувших налево: бегали по отелям, с любовниц их снимали, про детей напоминали. Иногда у моих приятельниц, прошедших через все эти унижения, получалось вернуть мужа домой.

Другие выжидали, пока благоверный нагуляется. И тоже в половине случаев успешно. Принимали потом провинившихся мужей с букетами-браслетами-клятвами что «больше никогда, бес попутал». Верили. Или делали вид, что верят.

Есть среди моих знакомых и те, кто не захотел в грязи купаться, развелись, переболели. Вроде, успешно. Вроде, не жалуются.

Я не хочу грязи. Мне больно думать что Паша был с другой, и сейчас, возможно, с другой женщиной. Мне это невыносимо.

Но как же тяжело решиться не на многоточие, а на точку. Потому что, мать их, девятнадцать лет рука об руку, в любви и согласии, с планами вместе всю жизнь провести!

И все же, я не смогла так просто смириться.

– Может, Паша съехал, квартиру нам оставил, – прошептала, встала с кровати и вошла в ванную.

В корзине полотенца использованные – Паша дома был.

На столешнице в кухне три стакана, в мусорном ведре контейнер с логотипом ресторана – точно был.

Не съехал он. Просто гуляет.

– Смирись уже, – зло прошипела, сжав кулаки. – Хватит

его оправдывать.

Разблокировала телефон, набрала Пашу.

Гудки, гудки, гудки... не отвечает. Ехать обратно?

Паша перезвонил сам.

– Алло, – ответила.

– Привет, ты звонила.

– Звонила, да.

– Ты остыла? Готова нормально поговорить? – спросил

Паша устало.

Он в принципе устал или от меня?

– Готова. Ты когда можешь?

– В любое время. Возвращайтесь домой, – последовал твердый ответ мужа.

Усмехнулась. Ну надо же. А я дома. Сюрприз!

– Сейчас возвращаться?

– Я жду тебя и детей, – всё также уверенно прозвучал Паши́н голос.

– Паш, я дома. И не заметила, что ты ждешь.

Где он и с кем я не стала спрашивать – вряд ли правду скажет. Но муж, кажется, догадался о моих мыслях:

– В офисе задержался, в пустой дом незачем было торопиться. Не психуй только, минут двадцать подожди, я подъеду. Ася, просто дождись!

Нажала на отбой.

Я дождусь.

Налила себе кофе, обдумывая Пашины слова. Умеет он

вывернуть всё в свою пользу: не дома, потому что не к кому было спешить. Но ведь почти год было к кому возвращаться, а Паши все равно не было! Он являлся ночами, объяснял всё новым бизнесом. А когда всё же приходил в адекватное время – был раздраженным, на мои вопросы, просьбы, упреки Паша не отвечал, а рычал.

И секс – его гораздо меньше стало, и это при наших-то темпераментах!

Почти год я терпела, оправдывала Пашу. А сейчас нахожу всё новые и новые зацепки: его раздраженность, отсутствие влечения ко мне, особенно в последние пару месяцев, задержки «на работе»...

Виновник моих невеселых мыслей вошел в квартиру.

– Ася, – позвал Паша из коридора.

– Я здесь.

Через минуту ко мне присоединился муж. Свет в кухне не включил, сел напротив. Может и хорошо что Паша не близко – не учую парфюм другой женщины, не увижу лишнего. Зачем делать себе еще больнее.

– Не успела себя накрутить? Я не у мифических любовниц был, а работал.

– Хорошо.

– Ты успокоилась, надеюсь? Взвесила всё, поняла что насчет меня и Тамилы – бред?

И снова эта чёртова уверенность тона!

– Я успокоилась, – покривила душой. – И приехала обсу-

дить вопрос недвижимости. Ты сможешь перебраться в другую квартиру? Наверх, – кивнула на потолок, намекая на жильё, которое мы купили год назад, чтобы через пару лет Глебу подарить, – или на Амундсена. Те квартиры меньше нашей. Дети привыкли жить здесь. Тут все их вещи. Надеюсь, ты не заставишь съезжать нас?

– Твою мать, – выдохнул Паша, с нажимом провел ладонями по лицу. – Опять та же песня.

– Но если ты откажешься – скандалить не стану, соберу наши вещи и мы с детьми переедем. Решать тебе. У меня нет сил на ругань.

– Я уже слышала эту захватывающую историю как ты спустился вниз по работе, а тут Тамила на тебя запрыгнула, да так удачно языком в рот попала и трусы сняла, – скривилась. – Могу сделать вид что верю. Но ты насчет квартиры-то ответь.

– Точно, я и забыл что моя семья мне не верит, – повысил муж голос и я вздрогнула от удара его ладони по столу.

– Хреновая семья.

– Пиздец, – с отвращением выругался муж. – Мне добавить нечего, а в очередной раз рассказывать те же события я не стану. Хватит.

– Да, Паш, хватит. Так что насчет квартиры?

Муж встал, подошел к кофемашине, принялся готовить свой любимый американо.

– Кажется, я понял. Надоел я тебе, да? Нашла повод, решила не разбираться во всем, плюнула на прожитые вместе полжизни. Разлюбила, захотела уйти, и вот какой удобный повод – муж-мудак. Так, родная?

– Ты в своём уме? Смеешь меня винить? – сердце, успокоившееся было, застучало возмущенно. – Ты как себя весь год со мной вёл? С сыном как поступил? Трахался на стороне, так продолжал бы с той блондинкой отжигать, она хоть не была девушкой Глеба.

– Еще и блондинка, – хмыкнул Паша, и обернулся ко мне. А я подлетела к стене и хлопнула ладонью по выключателю. Свет ослепил вспышкой.

– Тебя видели, Паша! – процедила, глядя мужу в глаза, вспоминая всё что мне Глеб рассказал. – Месяца полтора назад, в «Аполло» ты очень мило держался с красоткой-блондинкой за руки. Мне даже фото прислали, – пошла я ва-банк, устав от вранья. – Что, и тут ты невиновен?

Паша сцепил зубы, глаза отвел на секунду.

– Я ни с кем тебе не изменял. Никогда. В «Аполло» была встреча по работе, да, с женщиной, но ничего интимного, – отчеканил Паша.

– И за руки вы держались, скрепляя удачную сделку? – спросила, вглядываясь в лицо мужа.

Может, и правда по работе виделся, а то что за руки держались пару секунд – ничего не значит? Паша так уверенно говорит обо всём. Может, он и доказать свои заявления в

состоянии, если я попрошу.

Я так хочу зацепиться за что-то, поверить что мы с Пашей не в прошлом!

– Детский сад. Хватит! Достало оправдываться! Чёрт, – Пашина рука дрогнула, кофе выплеснулся на его ладонь, обжигая, и чашка с напитком полетела на пол.

И одновременно с дребезгом осколков Пашин смартфон, лежащий на столе, зазвонил.

Я вижу имя – Инна.

И фото – симпатичная блондинка.

– Как съедешь – сообщи, будь добр. А с меня хватит, – бросила, развернулась и вышла в коридор.

Глава 11

– Лика, в школу опоздаешь, – в очередной раз заглянула в комнату к дочке.

Лика сидит у зеркала, ноутбук открыт и там видео, дочка смотрит и пытается сделать такую же прическу.

– Помочь? – приблизилась. Закрыла ноутбук и взяла расческу. Волосы у дочери густые и шелковистые, возиться с ними одно удовольствие. В начале сентября Лика хотела сделать красные прядки, как у одноклассницы, но мы с Пашей против были. Зачем портить такую красоту? Достаточно Глеба, который челку выбелил.

– Класс, мам, – Лика подскочила со стула, когда я ее заплела. Покрутилась перед зеркалом. – Девчонки упадут.

– Марш завтракать, – подтолкнула дочь в коридор.

Лика убежала в кухню, а я сунулась в спальню к Глебу. Сын уже проснулся, собирается в институт. Здоровой рукой забрасывает в рюкзак учебники.

– Точно пойдешь? – заволновалась. – Голова не болит? Глеб, сотрясение, нужно лежать. И поменьше смотреть фильмы.

– Я как огурчик, – заверил сын.

– Иди завтракать, огурчик. И таблетки выпей, не забудь, – улыbnулась.

Наверху что-то упало, и я невольно подняла глаза к по-

толку.

Паша съехал, но недалеко – сейчас он живет прямо над нами. И за последнюю неделю мы сотню раз могли с ним столкнуться в лифте или у подъезда. Но муж уезжает рано, возвращается по темноте, в офисе он пропадает или где – меня это больше не должно тревожить.

Интересно, почему он до сих пор дома?

Сын тоже посмотрел в потолок. И скривился.

– Еще не хватало в подъезде с ним встретиться, – выдал Глеб и шагнул мимо меня в коридор. – Неужели нельзя было снять квартиру хотя бы в другом доме? А лучше на другой улице. В соседнем городе. Или в другой стране. Галактике, – сын злится.

Промолчала.

Та квартира тоже наша, и она должна была достаться Глебу. Через пару лет. На его двадцатилетие. И вспоминать об этом сейчас странно, за одну лишь проклятую ночь рухнуло столько планов, вся наша жизнь к чертям полетела, и я просто стою на распутье. Я делаю все то же самое, встаю и готовлю завтрак, везу детей на учебу, возвращаюсь домой.

А здесь повсюду его вещи. Паша лишь пару костюмов с собой прихватил, ноутбук, документы. Он словно на работе, и вечером вернется домой.

– Из школы меня забирать не надо, мы с Катькой идем к ней, – заявила Лика, когда я высадила ее у ворот. – А потом ее папа меня отвезет.

Кивнула. Катю я знаю, они с Ликой с первого класса дружат, и тут я спокойна. Помахала дочке и порулила к институту Глеба.

– Точно пойдешь на пары? – спросила на всякий случай. И дело не только в его сломанной руке и сотрясении.

Тамила.

Они ведь учатся в одном институте, и как сын переживет встречу с бывшей девушкой – я не знаю. Глеб лишь с виду спокоен, но на душе у него не то, что кошки скребут – там волки воют.

– Мне с пацанами надо встретиться, – сын уткнулся в сотовый. – У нас же концерт скоро. После пар рванем репетировать.

– Глеб...

– Ну что? – сын поднял голову. – Мам, это важно. Если мы хорошо выступим, и нас заметят – я начну на своих треках зарабатывать. И смогу обеспечивать вас с Ликой. Я же мужчина. Я должен.

Он говорит это, и глаза горят, сын, правда, верит в свою музыку. Думает о нас. Отца он уже вычеркнул из жизни, и мне нечего возразить. Паша сам должен стараться, не я его отношения с детьми разрушила.

Но Паша работает. Ему некогда.

Вернулась домой и начала собирать его вещи. От рубашек, футболок и даже боксеров им пахнет, парфюмом, телом. Я этот запах вдыхаю и смириться не могу. Девятнадцать лет

брака, и все по чемоданам сложить, разойтись, словно не было ничего. Любви не было.

«Ты не юная девочка, чтобы рубить с плеча, Ася» – сказал он мне, когда я уходила. А я ушла, отпустила его, кажется, вот только легче не стало.

Уборка. На два раза перемыла ванную и кухню, приготовила ужин детям. Ли́ка вернулась сытая и сразу убежала к себе. Глеб приехал с репетиции поздно вечером измученный и бледный.

– Ребенок, нельзя громкую музыку при сотрясении, – высказала. – О чем ты думаешь, Глеб? Подождет твой концерт.

– Другого шанса не будет. И, кстати, надо что-то с моим гипсом придумать, чтобы я не смотрелся на сцене, как инвалид, – сын скрылся в комнате.

– Ты ведь болеешь, – не отстала, шагнула за ним. – Месяц хотя бы подожди.

– Все у меня нормально, – отмахнулся сын. У него телефон затрезвонил, Глеб бросил взгляд на экран и поморщился. Принял вызов и процедил. – Лиза, ты тупая? Просто отвали от меня.

– Ты как с девочкой разговариваешь? – ахнула.

– А чего? – сын поднял на меня взгляд. Он раздражен, из него рвется что-то, чего не было раньше. – Все они шлюхи, мам. Одно только и надо им. Мороженкой угостить и в парке погулять – не хотят они такого. Они деньги любят считать в чужих кошельках. Ладно, я спать лягу. Устал.

Глеб отвернулся и стянул футболку, я тихонько вышла и прикрыла дверь. Прислонилась к стене и потерла переносицу.

Вот что тут ответить? Бедный мой мальчик. Он обозлен, вокруг видит одних лишь предателей, он болеет, ему может стать хуже после этого концерта. А как запретить, что тогда ему останется?

Паша, будь ты проклят.

Двинулась к нему в кабинет с желанием покидать в чемодан все, что от него осталось, чтобы и духу его тут не было. И за Пашином столом застала Лику.

Дочка читает учебник, качается на его стуле. И вытирает глаза.

– Лика... – позвала. – Что такое, доченька?

Она вытерла мокрые ресницы, захлопнула учебник и поднялась. Воинственно на меня уставилась.

– Из этого кабинета надо сделать библиотеку, – выдала. Ударил ладонью по антикварной тушечнице, что стоит на Пашином столе. – И надо выкинуть все эти штуки. Место занимают. Я пошла делать уроки, – дочка приблизилась, поцеловала меня в щеку и выскочила в коридор.

У меня и самой глаза на мокром месте. Невозможно смотреть на то, как они злятся и скучают по нему.

А он не идет.

Паша хоть понимает, что Глеб с сотрясением выступать собрался?

Решительно вышла в холл, собрала сумку. Посмотрела на время – Паша еще должен быть в офисе. Хорошо. Пусть отложит работу. Позвонит своему другу. И перенесет концерт Глеба, пусть на другой день договорятся, через месяц, когда сын поправится.

– Я ненадолго, скоро буду! – крикнула детям и вышла из квартиры.

Вечер, темно, и дорога почти пустая, до Пашиной работы долетела за десять минут. На парковке замешкалась, уставилась на окна четвертого этажа. Свет горит – муж там. Да.

На четвертый этаж поднималась, и сердце в груди стучало так сильно, словно я нечто запретное делаю, неправильное. Он мой бывший муж или еще не все? Голова разрывается от этих мыслей.

Свернула по коридору.

И столкнулась с Тамилей.

Один взгляд глаза в глаза – и девчонка вспыхнула, опустила голову, мимо меня шмыгнула к лестнице.

Я машинально развернулась.

Не ведут так себя любовницы. Ей будто стыдно, она меня словно боится. Она от моего мужа идет? Было что-то между ними сегодня, весь последний месяц? Они любовники, он изменял мне с ней, с этой малолеткой?

Сейчас я это узнаю.

– Тамила, – позвала и шагнула к лестнице. – Постой. Нужно поговорить.

Глава 12

Она приподняла плечи, словно защищаясь, и ускорила шаг. Будто не слышала меня.

– Тамила! – повысила я голос.

Она, наконец, остановилась. Резко, будто в стену врезалась. Но пару секунд продолжала стоять спиной ко мне, а затем медленно развернулась.

– Анастасия Николаевна, здравствуйте, – прошелестела, избегая смотреть мне в глаза.

Тамила сделала два шага мне навстречу и замерла.

Обе стоим, молчим.

Не знаю, что чувствует Тамила, но судя по тому, как она краснеет и губы кусает – ей как минимум неуютно. А вот мне... зло, наверное.

Да, мне зло. На эту девицу, которая хоть и юна, но уже не ребёнок и за свои поступки должна отвечать. Но больше – на Пашу. Муж так уверенно заявлял, что не изменял, что даже не думал об этом. Но почему же он не предоставил мне доказательства своей невиновности? Потому что настолько горд и обижен? Или потому, что этих доказательств нет?

– Тамила, – обратилась я к ней, и девушка вздрогнула, – надеюсь, ты понимаешь, что Глеба тебе стоит избегать. Увидишь в институте – не подходи к нему, не пытайся с ним играть.

– Я не... я и не собиралась...

– Вот и замечательно. Если у тебя есть хоть крупица совести – моего сына ты будешь сторониться. Если не будешь – я всё равно узнаю, и... я не люблю угрожать, но ради своих детей я на всё готова, и это «всё» тебе не понравится. Ты понимаешь, о чём я?

Тамила подняла на меня взгляд, но отвела его через короткий миг. Кивнула, сглотнула тяжело.

– Я поняла, Анастасия Николаевна. Вы можете не верить, но мне очень стыдно перед Глебом. Он лучшего заслуживает. Я знаю, что сделала ему больно. Мне он, правда, нравился. Но... простите, – пропищала она.

– За что простить?

– Вы знаете, за что. Чувствам не прикажешь, – прошептала Тамила и снова замолчала. А затем её словно прорвало, девица, глотая слова, запинаясь, выпалила: – Я понимаю, что это неправильно. У вас семья, дети... я даже не рассчитывала ни на что, клянусь вам. Где я, и где Паша! Но мы общались, сблизились и, о, Господи, – она спрятала лицо в ладонях, выдохнула шумно, – мы влюбились так, что я даже забыла про вас, про Глеба. Мне должно быть стыдно, но мне не стыдно за наши чувства.

– Хватит. Достаточно.

– Подождите, – она схватила меня за руку. – Вы для Паши в приоритете, он мне прямо сказал – что на этом всё. И я понимаю его, вы же Пашина семья. Но вы бы видели, как

он несчастен! Паша ведь любит меня, но ради вас готов отказаться от нас.

Меня колотит. Глохну от боли и гнева. Либо Тамилла великая актриса, либо она правду говорит – тихо рыдает, смотрит на меня с мольбой, и... любит. Пашу. Моего мужа.

– Ты смеешь просить меня отойти в сторону и благословить вас?

– Я... да, я прошу. Я смогу сделать Пашу счастливым, – губы Тамиллы скривились, она разрыдалась, развернулась и побежала по лестнице прочь от меня.

А у меня по-прежнему нет слёз. Из-за ерунды я плакала тысячу раз, а сейчас, когда по десятибалльной шкале боль ощущается на максимум – не могу.

Я подошла к подоконнику, опустила на него сумочку, прижалась лбом к прохладному стеклу. Как же я хотела увидеть в Тамиле наигранность. Бравладу, ложь, хоть что-то, что дало бы мне веру в мужа.

Но я ей поверила.

В то что общались. Что сблизились. Предавали.

Хватит! – приказала себе встряхнуться. Я же не ради Тамилы сюда явилась!

Несколько раз сжала ладони в кулаки, разгоняя кровь. Руки онемели, мёрзнут. Но в Пашин кабинет я должна войти не уничтоженной, а спокойной.

В приёмной я остановилась. Выдохнула, кивнула секретарю, и вошла в кабинет мужа.

– Ася? – Паша чуть привстал, заметив меня. Нахмурился еле заметно, правой рукой собрал с угла стола несколько измятых салфеток и выбросил их в урну под стол.

Так горячо с Тамиллой прощался, что пришлось несколько салфеток использовать? Надеюсь, презервативы я здесь не увижу. Или я уже накручиваю себя.

– Проходи, – Паша оглядел свой стол, кивнул мне на диван. – Что-то с детьми? Или ты о нас пришла поговорить?

У меня слова не идут. Опустилась на диван. Чувствую себя немой. Так хочется накричать на Пашу, истерику закатить – я ведь имею на это право – душу отвести. Но истерики мне всегда плохо удавались, я слишком привыкла уважать Пашу. Вся моя жизнь в принципе состоит из привычек: Паша уже с нами не живёт, а я автоматически купила продукты для приготовления его любимых блюд. Много лет я только о нём и детях думаю, буквально целыми днями.

– Ась, может, попросить нам кофе принести? Или чай?

– Нет, спасибо, – голос, наконец, прорезался. – Я пришла поговорить насчет Глеба.

– У него осложнения? – вскинулся Паша с искренней тревогой. – Говори, не томи.

– Ты устроил ему выступление в клубе. Глеб намерен петь, но у него сотрясение. В клубах шумно, а на сцене аппаратура, громкость запредельная, для мальчика это опасно.

– Ась, давай я зайду сегодня и поговорю с сыном.

– Думаешь, он послушает? – улыбнулась невесело. – Паш,

я специально не звонила тебе насчет этой проблемы, а пришла. Глеб обозлён, и вряд ли разговор с тобой ему поможет. Он, скорее, назло не только в этом клубе, но и в других выступит, плюнув на здоровье.

– А тебя он не слушает?

– Я пыталась с ним говорить, но опасаясь давить. Ты можешь поговорить с другом... Васильченко клуб открывает, если я не ошибаюсь?

– Да.

– Попроси устроить выступление не на открытии клуба, а через время, в какой-то другой оживленный вечер. А насчет открытия пусть скажет что, например, партнёр настоял на других звёздах. Или что с аппаратурой неполадки. Или еще что-то. Придумай, Паш.

– Придумаю, – кивнул он. – Но я всё же зайду сегодня. Дети на звонки не отвечают. Пора бы им вспомнить что я не дальний родственник, а отец.

– Паша, ты только хуже сделаешь. Не приходи, – поднялась, мечтая убраться отсюда как можно скорее.

– Почему? Ася, ты хочешь чтобы дети не общались со мной? Настолько сильно ненавидишь меня? – остановил меня голос мужа.

– Ты еще скажи, что я их против тебя настраиваю. Паш, не смешно. Лику я в твоём кабинете застала в слезах. Она скучает. Глеб тоже. Они раздавлены, детям нужно время а не напоминания что ты отец, они помнят, поверь. Потому и

ведут себя так.

– Даже Лика, – покачал Паша головой, будто не веря.

Я тоже не верю. Лика любит меня, конечно. Очень. Но Паша для дочки всегда был божеством, и Лика даже соперничала со мной за его внимание. И Паша дочку обожал, часто на работу с собой брал, гордился ею – Паше было лестно что Лика в него пошла.

Ему больно сейчас, я вижу. А еще я вижу то, о чем говорила Тамила – Паша счастливым не выглядит. Бледный, белки глаз красноватые, скулы стали острее. Похудел, кажется. Выглядит неважно. Это из-за потери семьи или из-за расставания с Тамилей?

– И всё же, я приду. Подождешь несколько минут, вместе домой поедем?

– Паш, если хочешь, приходи. Но домой я поеду одна.

– Сколько тебе еще нужно времени? – кивнул мне муж. – Сколько еще мы будем жить отдельно?

– Возможно, всегда, – прошептала. И не выдержала: – Я Тамилу твою встретила.

– Она не моя.

– Уже не твоя, ты хочешь сказать? Рыдала, что ты ради нас с ней расстался. О вашей любви рассказывала. Паш, а мы вообще стоим таких жертв с твоей стороны? Может, не стоило бросать её? Или скажешь, что Тамила у тебя не была и вы не разговаривали?

Паша поморщился устало и бросил:

– Она здесь была. И? Думаешь, мы трахались? Так спроси, и я отвечу.

Глава 13

– Вообще, можно уже начинать, – сказала Соня и собрала со стола разбросанные фотографии. – Я специально взяла отпуск, чтобы полностью переключиться на сад.

– Серьезный подход, – улыбнулась. Отпила кофе и посмотрела на часы. Дети на учебе, вернутся не скоро. А оставаться одной сегодня мне как-то не по себе. – Ты торопишься?

– Нет, а что? – Соня закрыла сумку и поставила ее на пол.

– Может, еще по кофе?

– Давай, – она кивнула. Откинулась на стуле. Вижу, хочет спросить, что случилось, но не решается, ждет, когда я заговорю сама.

И я заговорила.

– Знаю, что муж предает меня. Ну, вы сами помните скандал в ту ночь. Своим глазам я верю, но вот здесь, – приложила ладонь к груди и отвернулась к кофемашине, – здесь словно что-то не то. Сомневаюсь и не могу принять правду. Я дура?

– А доказательства предательства есть? – спросила Соня. – Кроме того, что ты их застала тогда?

– Вчера она была у него в офисе, – вспомнила нашу встречу и поморщилась. Паша говорил, мол, спроси, трахал ли я ее, я тебе отвечу.

Но язык не подчинился, я просто развернулась и ушла. Может, надо было спросить. Но не верю, что муж правду скажет, он ведь все время врет. И сознавать это так дико. К чему мы пришли, почему? Начиналось у нас все, словно в сказке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.